

ОБРАЗ МОСКАЛЯ В МАЛОРОССИЙСКОЙ ОПЕРЕ И. КОТЛЯРЕВСКОГО „МОСКАЛЬ-ЧАРОДЕЙ”

Виктория Лебович

Соперничество между москалем и малороссом, москаль в противопоставлении с украинцами – это тема, встречающаяся в произведениях украинской литературы на каждом шагу, то в более детально раскрытой форме, то лишь на уровне незначительного упоминания или даже сравнения¹.

Сергей Ефремов в шестой главе „Історії українського письменства”, посвященной деятельности Ивана Котляревского пишет: „У „Москалі-Чарівнику” знайдемо ще виразніші думки автора про українську національність, – знов цікаво, що в формі змагання між українцем та великоросом” (Ефремов 1995:287). Именно поэтому образ москаля, вырисовывающийся в малороссийской опере И. Котляревского „Москаль-чародей”, заслуживает особого внимания. В данной работе предлагается разбор этого образа.

„Недавно (р. 1898) на Україні святкували столітній ювілей українського письменства, що почалося трудами славного і незабутнього автора „Наталки Полтавки”, першого поета українського Івана Петровича Котляревського; незабаром у Полтаві на вічний спомин йому буде поставлено пам’ятника, і не забудеться ім’я першого поета нашого вівіки. З поводу такого великого свята захотілося й мені побалакати з земляками, поділитися з ними усім тим, що вдячне синове серце почуває до батька нашої української драми,” – так пи-

---

¹ Например, в рассказе „Салдацький патрет” Г. Квитки-Основьяненко тема москаля красной нитью проходит через все произведение (См.: В. Лебович 1998:361–369), а в „Энеиде” Котляревского встречается лишь несколько упоминаний и в том числе сравнение:

„Отак Еней жив у Дідони,
Забув і в Рим щоб мандровать.
Тут не боявся і Юнони,
Пустився все бенкетовать;
Дідону мав він мов за жінку,
Убивши добру в неї грінку,
Мутив, як на селі москаль!” (Котляревський 1994:25)

сал корифей украинского театра И. Карпенко-Карий об истоках новой украинской литературы (Тобілевич 1961:138).

Зарождающийся в Украине театр в начале XIX ст. нуждался в произведениях, изображающих жизнь украинского народа, написанных народным украинским языком, существование которого и пригодность которого для серьезных литературных целей оспаривалась практически на протяжении всего XIX и даже XX ст. Цитат и высказываний по этому поводу можно привести множество. Ограничимся лишь одной. Из письма М.О. Мельгунова к М.П. Новикову от 7 августа 1827 г., в котором речь идет о возможности издания „Энеиды” И. Котляревского в Москве выясняется, что даже сочувствующие судьбе, языку и культуре украинского народа россияне считали его судьбу предрешенной: *„Я равно уверен, что и всякий просвещенный россиянин не останется равнодушным к единственному произведению М. Российской словесности, памятнику языка, принадлежащего народу, некогда славному, и который вместе с ним, вероятно, скоро исчезнет вовсе и будет жить в одном этом памятнике.”* (Цит. по: Ротач 1994:184). Однако жизнь распорядилась иначе.

В начале XIX ст. единственной пьесой из жизни украинского села была комическая опера русского драматурга и театрального деятеля князя А. Шаховского (1777–1846) „Казак-стихотворец”, написанная в 1812 году. В этой комической опере-водевиле быт и жизнь украинского крестьянина изображался приукрашенно, в пасторально-идиллическом духе, факты украинской истории интерпретировались достаточно своевольно, и все это было написано на исковерканном украинском языке. Сергей Ефремов считает, что Котляревский написал „Наталку Полтавку” и „Москаля-чародея” для того, *„щоб у художній формі дати апологію українського народу перед недотепною карикатурою й образливими вигадками Шаховського та інших писак, що не цурались, писав проф. Дашкевич, „модного в то время осмеиванія малороссовъ”. Слiди обурення авторого проти такої дивовижної моди знаходимо і в самих п'єсах Котляревського* (Ефремов 1995:286–287).

Действительно, в 7 явлении II действия „Наталки Полтавки” Петро разговаривая с Возным и Выборным про театр в Харькове, говорит: *„Співали московські пісні на наш голос, Климовський тан-*

цьовав з москалем. А що говорили, то трудно розібрати, бо сю штуку написав москаль по-нашому і дуже попервертав слова". На что следует предположение Выборного: „Москаль? Нічого ж і говорити! Мабуть вельми нашкодив і наколотив гороху з капустою". Когда же выясняется еще и искажение исторических фактов, звучит слегка удивленная, но уже категорическая оценка: „Так се так не во гнів сказати: буки-барабан-башта, шануючи бога і вас". В конце же этой беседы устами Выборного автор делает повторяющийся в устах украинцев вывод о том, что судить народ, которого не знаешь, несправедливо: „От то тільки нечепурно, что москаль взявся по-нашому і про нас писати, не бачивши зроду ні краю і не знавши обичаїв і повір'я нашого". (Котляревский 1979 : 242)².

Подобную, далеко не лестную оценку дает пьесе А. Шаховского и Тарас Шевченко в повести „Близнецы": „Заметить надо, что Никифору Федоровичу страшно не понравился знаменитый „Козак-стихотворец". Он обыкновенно говорил, что это чепуха на двух языках. Любопытно бы знать, что бы он сказал, если бы прочитал „Малороссийскую Сафо". Я думаю, что он выдумал бы какое-нибудь новое слово, потому что слово „чепуха" для нее слишком слабо" (Шевченко 1963:60).

Мнение А.С. Пушкина также мало чем отличается от суждений украинских писателей и поэтов. В „Дневниках" (1815) встречаются следующие две записи: „Третьего дни хотел я начать ироическую поэму „Игорь и Ольга", а написал эпиграмму на Шаховского, Шихматова и Шишкова, – вот она:

Угрюмых тройка есть певцов:
Шихматов, Шаховской, Шишков.
Уму есть тройка супостатов:
Шишков наш, Шаховской, Шихматов.
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!" (Пушкин 1978:10).

---

² В дальнейшем все цитаты из малороссийской оперы „Москаль-чародей" приводятся по данному изданию, с указанием страницы в скобках.

И немного позже:

„Мои мысли о Шаховском”

Шаховской никогда не хотел учиться своему искусству и стал посредственный стихотворец. Шаховской не имеет большого вкуса, он худой писатель – что ж он такой? – Неглупый человек, который, замечая все смешное или замысловатое в обществах, пришед домой, все записывает и потом как ни попало вклеивает в свои комедии.

Он написал „Нового Стерна”: холодный пасквиль на Карамзина.

Он написал водевиль „Ломоносов”: представил отца русской поэзии в кабаке, и заставил его немцам говорить русские свои стихи, и растянул на три действия две или три занимательные сцены.

Он написал „Казак-стихотворец”: в нем есть счастливые слова, песни замысловатые, но нет даже и тени ни завязки, ни развязки” (Пушкин 1978:14–15).

И.П. Еремин и многие исследователи творчества И. Котляревского считают, что автор написал „Наталку Полтавку” „с полемической целью показать на наглядном примере, как надо писать пьесы из „малороссийского” быта” (Еремин 1952:21).

В основу произведения „Москаль-чародей”, впервые опубликованного И. Срезневским уже после смерти автора в 1841 году во второй книжке „Украинского сборника” под названием „Украинский водевиль”, положен анекдот про неверную жену, обманутого мужа и спрытного солдата³. В основе драматическое произведе-

---

³ Что касается вопроса об источниках произведения (См.:Кириллук 1961: 176) М. Дашкевич возводит его к индийским и сирийским сказкам и через средневековые фавлю связывает с их интерпретацией в французской, английской, шотландской и немецкой литературах новейшего времени. (Данную теорию оспаривают многие литературоведы: См., напр.: Історія... 1980:137; Кириллук 1961:176). Некоторые говорят о связи с украинскими народными чумацкими песнями, напр.: „Святий боже, святий кріпкий...” и „Письмовником” Курганова, в котором была дана обработка народного анекдота „Повесть о удалом молодом солдате”. Первый биограф Котляревского С. Стеблин-Каминский считал, что „Москаль-чародей” является обработкой народной сказки. Кстати, к этой же теме обращается Василий Гоголь (1777–1825) в комедии в одном действии «Простак, або хитрощі жінки, перехитрені москалем». Поэтому некото-

ния отражен принцип, согласно которому остроумная шутка может принести больше пользы, чем суровые морально-дидактические наставления.

Сюжет малороссийской оперы «Москаль-чародей» таков: в дом к чумаку Чупруну приходит постоялец, солдат Лихой. Хозяина нет уже долгое время дома, а к Тетяне, жене Чупруна, повадился писарь полиции Финтик, приехавший из города навестить старую мать. Внезапное появление солдата и мужа пугает добродетельную Тетяну, ведь в трудовой крестьянской среде любовные интриги с точки зрения крестьянской морали глубоко осуждались. Она прячет Финтика. Солдат Лихой, предварительно подслушав разговор Тетяны и Финтика, притворившись чародеем, „угощает“ Чупруна сначала горилкой, потом ужином и хочет „познакомить“ его с чертом, вроде бы явившемся в образе Финтика. Однако верная Тетяна чистосердечно признается во всем мужу, а Финтик раскаивается в своих „злых окаянствах“ (274).

Соперничество между украинцами и великороссами в произведении формулируется в форме самохарактеристики и взаимной характеристики героев, содержащих в себе обобщения как по поводу самого себя, так и по поводу другого.

В литературной критике соперничество между москалями и малороссами остается как бы незамеченным⁴. В характеристике солдата Лихого выделяется в первую очередь то, что он, как все солдаты, изображенные в украинских интермедиях, а также в российских и западноевропейских водевилях, – бывалый, веселый, остроумный и умный, он находит выход из любой ситуации. (См.: Історія... 1980:139). С этой характеристикой безусловно можно согласиться с кое-какими добавлениями, так как в тексте произве-

---

рые исследователи полагают, что Котляревский переработал данную очень близкую по сюжету к „Москалю-чародею“ драму.

⁴ См., напр., „Создав комический положительный образ солдата-россиянина Лихого, Котляревский подчеркивает дружеское, добродушное отношение к нему семьи украинского крестьянина-чумака“ (Кирилук 1961:177).

„Котляревский затрагивает и другие важные для того времени вопросы, такие как сохранение простонародного быта и обычаев, защита народных песен от наплыва „модных“ романсов, очищение народного языка от мецанского искажения и канцелярского жаргона чиновников, а также и более важный общественно-политический вопрос – про равенство и дружбу между украинцами и россиянами“ (Історія... 1980:138).

дения, в репликах героев содержится большое количество явных суждений и завуалированных намеков как на сопоставление, так и на противопоставление малороссов и москалей.

Солдат, представляясь, как бы характеризует самого себя в следующей песенке:

*Меня зовут - Лихой!
Солдат я не плохой.
И храбрости полата.
Хоть с места - докажу,
В капусту искрошу
Тебя, чернильна хвата (255).*

Зовут солдата Лихим неслучайно. Говорящее имя содержит две коннотации, соответственно двум значениям слова, приводимым в словаре С.И. Ожегова: 1) „приносящий беду, злой” и 2) „молодецкий, удалой”. Второе значение отражено в самохарактеристике москаля: ведь он солдат храбрый и неплохой, а военная служба для него – „*есть служба славная*” (256). Лихой искренне недоумевает и иронизируя упрекает Финтика в том, что тот не идет на военную службу: „*Не стыдно ли в твои лета, при твоём здоровье, а может быть и уме, пачкаться день и ночь в чернилах, грызть перья и жевать бумагу?*” (256).

А вот первое значение имени солдата связано с мотивом страха украинцев перед москалем. Примеры этого страха несколько раз встречаются в произведении:

- Как выясняется из авторских ремарок, при появлении Лихого в избе, – а он сразу же притворяется сердитым – Тетяна робеет, а Финтик отвечает на вопросы трусливо.
- Когда солдат „улегся спать”, Финтик, беспокоясь за Тетяну, переживает: „*Однако ж ты с ним после одна останешься*” (258).
- Первый вопрос вернувшегося из дальней дороги Михайла Чупруна по поводу солдата также содержит в себе элемент страха: „*Може, сердитий дуже, крикливий?*” (259).
- Солдат, колдуя, с таинственным видом берет Тетяну и Чупруна за руки и заявляет им, что он – колдун и может сделать все, что хочет. В ответ на это: „*Михайло и Тетяна выривают от него руки и отступают в страхе*” (260). Солдат смеется и обещает

зла не делать: „...оно мне запрещено; а только могу добро сделать” (260). Пока Михайло не верит солдату, он – на словах – и не боится его. Однако важный, таинственный вид москаля, „псевдо-привлечение” малоросса к ответственности: „Сказывай, хазяин, как тебя зовут?”, бестолковое колдовство, взмахивания шомполом и непонятная чепуха („Шнапс” (261); „Бердень, Бердень, Ладога моя!” (266)), которую солдат заставляет их повторять – вызывают у обоих ужас и страх.

Страху малороссов в разных сценах произведения можно найти разные объяснения, однако здесь важно то, что боятся москаля украинцы, а не наоборот.

Интересный момент страха, вызванного москалем, встречается в речи Тетяны. Суеверные украинцы боятся нечистой силы, боятся произнести вслух какой бы то ни был синоним слова „черт”. По традиции это формулируется следующим образом: „той, що живе в болоті (260); той, що не при хаті згадуючи (261); „той, що греблі рве” (273). Чупрун не верит в сверхъестественные силы солдата и провозглашает: „А що, жінко? Я не боюсь нічого” (260). В реплике же Тетяны формулируется намек на то, что именно москаля надо бояться больше всего на свете: „Та і про мене. Уже коли його (указує на солдата) не боюсь, то друге мені байдуже” (260). Таким образом, для простых, необразованных и суеверных крестьян самое страшное – это москаль.

Страх украинцев часто вызван такими причинами, которые встречаются в обобщенных суждениях малороссов о москалях.

Москали-постояльцы в селах у мужиков-украинцев были постоянным, само собой разумеющимся явлением. Украинские крестьяне должны были их приютить, бесплатно кормить и поить. Лихой входит в избу со словами: „Здрастуй, хазяин! Я твой постоялец. Давай угол, да на ужин курьцу, да нет ли и лавреников?” (254). А когда Тетяна его осаждает: „Ми не знаємо, що ти за чоловік. Бачимо на тобі солдацький мундир – через його тебе і шануємо. Адже вас не на те роблять воєнними, щоб ви в своїм царстві нівечили людей, а не те, щоб...” (256), солдат в форме обобщенной самохарактеристики, выраженной в тексте множественным числом, провозглашает само собой разумеющиеся, писанные истины: „Чтоб вас, мужиков, захищать от неприятеля, а вы должны нас уважать и

ничего для нас не жалеть” (256). С этим никто и не спорит, Татьяна упрекает солдата лишь в том, что он ставит себя выше мужиков.

Обобщенные суждения малороссов о москалях и о себе встречаются в тексте произведения и в других местах:

- Как только солдат лег спать, Финтик „храбреет”, называет его „негодним азартником” (257) и делает вывод: „*Та се ж найперша замашка москаля, щоб на квартирі хазяйку налякати, хазяїна вилаяти і гармидеру такого наробити, що не знаєш де дітись*” (258). Созвучно с этим и объяснение Татьяны: „*Та тут був таку бучу збив, що я не знала, що і робить*” (259). Можно считать симптоматичным растерянность малороссов, которые никогда сразу не знают, что им делать в подобных ситуациях.
- Удивляется поведению солдата Чупрун, ведь москали обычно ведут себя не так: „*Се диво, що москаль голодний заснув, не побивши хазяйки!*” (259).
- Временно избавившись от Чупруна, Лихой спрашивает: „*Ну, хазяйка, каков я чародей? – Татьяна. Великий!.. Но більше хитрий, настоящий москаль*” (267). Здесь интересно имеющее вроде бы положительные, в действительности же отрицательные коннотации определение „настоящий”, свидетельствующее о том, что хитрый москаль всегда стремится обвести вокруг пальца наивного, доброжелательного малоросса.
- Доброжелательность малороссов подчеркивается в самооценке Татьяны – представительницы украинской нации. Ей жаль голодного солдата: „*Но за те, щоб не бушовав, нехай спить не ївши. У нас ласкою всього достанеш, з криком та лаянням нічого не возьмеш*” (257–258).

Постоянным элементом темы москаля в украинских художественных произведениях является украинский язык. В „Наталке Полтавке” критиковали москаля за то, что он „*дуже попервертав слова*”. За это же критикует Михайло Чупрун солдата Лихого, который как и все русские знает, что украинцы любят есть и хорошо готовят: „*Эх, кабы теперь подала хазяйка лавреничков! Этих, знаєшь, треугольничков*» (262). Солдат и сам чувствует, что он что-то не совсем правильно говорит, поэтому и добавляет информацию о треугольной форме вареников.

Ответ Чупруна содержит в себе элементы обобщенных суждений о взаимном отрицательном отношении представителей двух

народов друг к другу: *«Лавреничків! Який то у вас, москалів, язык луб'яний! Скільки меж нами вештається, а і досі не вимовиш: вареників»* (262). Солдат не остается в долгу: *„Ну, вареников... Да что ты, Чупрун, об москалях так плохо думаешь? Да я как захочу, то по-хохлацки буду говорить не хуже тебя»* (263). Лихой намекает на то, что малороссийский язык – язык мужицкий, простой, т.е. особой трудности для москаля не составляет. О пренебрежительном отношении москалей к малороссам говорит и Тетяна, когда объясняет солдату, что *„славную наливочку”* из вишен приготовила она: *„А москаль дума, що я нічого і не умію”* (269).

Соперничество между малороссами и москалями ожесточается. В него включается новый элемент характеристики украинской нации – умение петь. Здесь явно берут вверх украинцы. Приближается кульминационная точка в соперничестве-столкновении москаля и малороссов в малороссийской опере «Москаль-чародей». После того как солдат заявил, что он по-украински может говорить не хуже самих малороссов, Чупрун хладнокровно замечает: *„Диво! Може, і заспіваєш по-нашому?”* (263). Е. Нахлик считает, что ответ солдата на упреки чумака, „должен был быть, согласно авторскому замыслу, примером для россиян, поселившихся в Украине, хотя Котляревский сомневается в том, что произойдет, такое, по словам чумака, „диво” – что они, как будто, захотят в совершенстве овладеть украинским языком” (Нахлик 1994:67). Однако более вероятно, что дело здесь в другом. Малоросс, который боится москаля, но вынужден уважать в нем представителя силы и власти; малоросс, который часто уступает москалю, стараясь разрядить более или менее напряженную обстановку, на этот раз задет за живое. Авторская ремарка о том, что Чупрун говорит хладнокровно, свидетельствует о том, что на этот раз он не уступит и над самым сокровенным – украинским языком и украинскими народными песнями – насмехаться не позволит.

Солдат, который на протяжении всей пьесы говорит с Чупруном и Тетяной свысока (*„Простачина!. Зачем же солдату ружье, ежели оно будет неисправно”; „Где тебе стрелять!”* (262) *„Ты вздор замолол, хозяин. Я лучше знаю все это”* (268) и т.д.), поет, как ему кажется, украинскую песню. После чего согласно авторской ремарке И. Котляревского: *„Михайло и Тетяна сильно хохочет долгое время”* (264). По просьбе мужа Тетяна поет *„...по-всоему ту пісню,*

що москаль співав" (264). Солдат сдается, хвалит украинцев: „Ну, *што и говорить! Вить вы – природные певцы*" (265). И ту же пускает ядовитую стрелу: „У нас пословица есть: *хохлы никуда не годятся, да голос у них хорош*" (265). С аргументом возмущенного Чупруна: „Ось *заглянь в столицю, в одну і другу, та заглянь в сенат, та кинься по міністрах, та тогді і говори – чи годяться наші куди, чи ні?*" (265) солдат вроде бы соглашается, однако для него уже само существование данной пословицы представляет собой неопровержимую силу доказательства: „Спору нет, что *нонче и ваших много есть заслужонных, способных и отличных людей даже и в армии, да пословица-то идет, вишь ты*" (265). Не остаются в долгу и малороссы: „Пословиця!.. *Коли на те пішло, так і у нас єсть їх проти москалів не трохи. Така, наприклад: з москалем знайся, а камень за пазухою держи; од чого ж вона вийшла, сам розумний чоловік, догадаєшся*" (265). В серьезном и решительном ответе Чупруна звучат угрожающие нотки.

В. Сичинский в своей книге «Иностранцы про Украину» приводит примеры на то, что данные пословицы и суждения были достаточно распространены. О недружелюбном отношении между москалями и малороссами говорит Йоган Георг Коль, основоположник антропогеографии, в своей книге «Die Ukraine. Kleinrussland», вышедшей в свет в Дрездене и Лейпциге в 1841 году. Ученый-путешественник приводит в пример ту же самую пословицу: «Отвращение Украинцев к Москалям, их угнетателям, настолько велико, что это можно назвать ненавистью. (...) У Украинцев есть пословицы:

- Он человек ничего себе, но Москаль, – или
  - С москалями дружи, но камень за пазухой держи»
- (См.: Січинський 1992:195).

Русские путешественники также повествовали о подобных явлениях. А. Левшин в своих «Отрывкахъ изъ писемъ о Малоросіи» в 1816 году писал с жалостью: «Я должен сказать про ненависть украинцев к великороссиянам.

Ты легко можешь тут в этом убедиться, так как часто услышишь, как они говорят:

- Добрый человек – а москаль (как противопоставление!).

Матери пугают своих детей словами: «москаль». А Иван Сбитнев в «Поѣздкахъ въ Харьковъ» в 1830 году писал: «Увидев проезжаю-

щих (москалей), украины-селяне оставляют работу, начинают петь в их адрес бранные и сатирические песни, в сопровождении громкого смеха и длительного ропота» (См.: Січинський 1992:180–181).

Конфликт в малороссийской опере «Москаль-чародей» разрешается за счет реплики Тетяны, пытающейся примирить Чупруна и Лихого следующими словами: *„Годі вам споритися. Тепер чи москаль, чи наш – все одно: всі одного батька, царя білого діти”* (265). Однако ее слова малоубедительны и могут быть отнесены за счет желания автора провести произведение через цензуру.

А в конце произведения И. Котляревский умудряется вложить даже в уста самого солдата слова, содержащие намек на то, что москалям малороссы не должны ни доверять, ни верить: *„Точно все так, как жена тебе пересказала. А притом я хоть и москаль, а ручаюсь тебе, что жена твоя, по всем моим замечаниям, никакова шаловства с этим фертиком не имела”* (272–273). Это „я хоть и” свидетельствует о том, что даже сам солдат отчасти признает правомерность отрицательного отношения малороссов к москалям.

Вот каков храбрый, веселый и умный солдат в малороссийской опере „Москаль-чародей” И. Котляревского.

ЛИТЕРАТУРА

- Єфремов, С.: Історія українського письменства. Київ, 1995.
 Еремін, І.П.: Іван Петрович Котляревський (1769–1838). М., 1952.
 Історія української літератури у двох томах. Т. 1. Київ, 1955.
 Історія української літератури. (Перша половина ХІХ століття). Київ, 1980.
 Кирилюк, Є.П.: І.П. Котляревський і його значення в історії української літератури. В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури. Т. 2. Київ, 1961.
 Котляревський, І.: Енеїда. Київ, 1994.
 Котляревський, І. Твори. Київ, 1979.
 Лебович, В.: Москалі і малоросси. В кн.: *Nyelv – stílus – irodalom. Köszöntő könyv Péter Mihály 70. születésnapjára*. Budapest, 1998.
 Нахлік, Є.: Творчість Івана Котляревського. Замовчувані інтерпретації. Дискусійні.
 Пушкин, А.С.: Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 8. Автобиографическая проза и историческая проза. Л., 1978.
 Ротач, П.: Іван Котляревський у листуванні. Описне, 1994.
 Січинський, В.: Чужинці про Україну. Київ, 1992.

Тобілевич, І.К. (Карпенко-Карий): „Наталка Полтавка”. В кн.: Матеріали до вивчення історії української літератури. Т. 2. Київ, 1961.

Шевченко, Т. Г.: Повне зібрання творів у шести томах. Т. 4. Повісті. Київ, 1963.